

Е. П. Писчурникова

АФГАНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В СТИХОТВОРНОМ СОБРАНИИ 'АБД АЛ-ХАМИДА МОМАНДА

Становление афганской письменной национальной литературы исследователи относят к первой половине XVII в. Этому предшествовал продолжительный этап бытования устной литературной традиции. Сильное влияние фольклора прослеживается во всей афганской литературе XVII в. В своей книге «Афганская литература позднего средневековья» М. С. Пелевин характеризует отношения устной и ранней письменной литературы пашто следующим образом: «...письменной словесности пашто, особенно поэзии, на первых порах ее развития даже пришлось вступить с фольклором в настоящую конкурентную борьбу, отголоски которой мы находим в высказываниях ранних афганских авторов» [1, с. 11]. Конкуренция подобного рода легко объяснима борьбой за аудиторию. Фольклор понятен и доступен каждому, независимо от степени грамотности и образованности, чего не скажешь о письменной литературе, созданной профессионалами-литераторами, оценить которую может только читатель, слушатель, обладающий хорошим эстетическим вкусом. Несмотря на многочисленные «нападки на фольклор», встречающиеся у первых поэтов-классиков, таких как Васил Рошани и Хушхал-хан Хатак, письменная литература и фольклор не могут существовать порознь и постепенно начинают оказывать друг на друга влияние. «Несмотря на показное неприятие, которое ранние афганские авторы демонстрировали по отношению к творчеству народных певцов и сказителей, фольклор довольно быстро стал проникать в письменную литературу пашто» [1, с. 12]. По-видимому, к концу XVII в. «показное неприятие» постепенно сменилось осознанием ценности фольклора как источника образного и стилистического обогащения афганской поэзии. Хамид Моманд (конец XVII — начало XVIII в.) и его младший современник и соплеменник Рахман Баба одними из первых начинают поэтизировать фольклорные пословицы и поговорки, использовать в своей поэзии мотивы афганских героико-романтических повествований, песен, народных четверостиший и двустистиший (*ландей*).

На многочисленные фольклорные элементы в поэзии Рахмана обратила внимание Г. Д. Лебедева в своей диссертации «Афганский поэт XVII в. Рахман Баба (Биография и литературное наследие)»: «Особенная близость устному народному творчеству наблюдается у Рахмана в применении образов и средств народной поэзии, в перефразировке пословиц и поговорок. <...> В некоторых строках поэта использованы образы народных сказок и легенд: Адам-хана, Дурханий, Гуль-хана, Джамаль-хана, Лайлы и Маджнуна» [2, с. 92, 95]. Исследователь приводит примеры поэтизированных Рахманом пословиц, указывает на строки, перекликающиеся с народными четверостишиями и песнями. Именно простота и лаконичность поэзии Рахмана, ее близость к устному народному творчеству помогли ему снискать славу истинно народного паштунского поэта. «Среди простого афганского населения, которое так любит песни, особенной любовью пользуются стихи Рахмана, потерявшие свой тахаллус и исполняемые как народные <...>

Получив в народной интерпретации новое звучание, стихи Рахмана передаются из уст в уста» [2, с. 2–3]. Это уже пример обратного влияния письменной литературной традиции на фольклорную: строки афганских поэтов-классиков начинают бытовать в народе в качестве песен или пословиц. Интересные примеры такого обратного влияния приводят составители сборника афганских и русских пословиц «Крылатая мудрость двух дружественных стран» Т. Майванди и М. Мотамат Шинвари. Приведем несколько примеров из этого сборника. Пословица *sar de lār ši, māl de lār ši pət de na dzi*. «Лучше лишиться головы и богатства, чем чести» — «это строки известного афганского поэта Хушхал-хана Хатака, которые употребляются в качестве пословицы» [3, с. 424]. Еще один пример: *če pə zrə ye ġam dā yār wi, cə bə xāb kā*. «Когда в душе тоска по милой, как можно спать?». Эта пословица, по словам авторов, произошла от бейта Рахмана Баба: *xub xandā bə biġatəy kegi Rahmāna / če pə zrə ke ġam dā yār wi cə bə xāb kā*. «Сон и смех бывают, когда нет печали, Рахман, / Когда в душе тоска по милой, как можно спать?» [3, с. 264]. Выяснение первичности или вторичности строк поэта по отношению к фольклорному источнику никогда не приведет к единственно верному решению. Важно, что процесс взаимовлияния профессиональной письменной и устной фольклорной поэзии в странах Ближнего и Дальнего Востока имел свои историко-социальные причины, обусловившие особенно тесную связь этих традиций.

Интересно, что фольклорные образы нашли широкое и разнообразное применение в творчестве ‘Абд ал-Хамида Моманда, поэта, известного изысканностью и усложненностью поэтического языка. Большинство исследователей обращает внимание на то, что для его стиля по сравнению с простотой и лаконичностью поэзии Рахмана характерны явные признаки усложнения образов, вычурные, замысловатые сравнения и метафоры. В своей работе «Роль сравнения в стихотворениях ‘Абд ал-Хамида» Рафиаллах Станагзай пишет: «Стиль Хамида витиеват и сложен для понимания, его невозможно сравнить ни с простотой стиля Рахмана, ни с [тематической] широтой и разнообразием стиля Хушхала. Исследователи литературы на пашто и специалисты по стилям ее поэзии именуют стиль Хамида *индийским*, поскольку в его поэтических произведениях присутствуют все особенности и признаки индийской литературной школы» [4, с. 9].

Мотивы афганского фольклора, однако, далеко не чужды утонченному стиху Хамида Моманда. Перевод и изучение поэтического собрания Хамида дают основание говорить о большом влиянии фольклора на его творчество. В поэзии Хамида можно найти прямое цитирование народных пословиц, переосмысление народной мудрости, использование отдельных элементов в качестве метафор, заимствование стилистических приемов. В статье мы попытаемся обратить внимание на наиболее интересные примеры, характеризующие важную роль фольклора в образно-стилистической системе поэзии Хамида Моманда.

Многие афганские пословицы обрели поэтическую форму в стихах Хамида. Обычно они используются поэтом для подтверждения собственных этических воззрений в стихотворениях с преобладающими дидактическими мотивами.

В третьем бейте газели 149 поэт осуждает *легкомысленное отношение к делу* и проводит параллель между легкомысленным человеком и ленивым быком, последним хозяином которого, согласно паштунской пословице, становится мясник: *də laṭ ġwāyi wrustay xāwand qaṣṣāb dəy*. Поэт пишет: «Легкомысленное отношение к делу хуже всех несчастий / Ленивого быка продают мясникам». В шестом бейте этой же газели поэт проводит мысль о необходимости *учиться на ошибках других людей и быть вежливым*

с окружающими, перефразируя известную афганскую пословицу: *adab la biadābāno zda kegi?* «Разве у невеж учатся вежливости?». Хамид пишет: «Убыток от поддельного золота вернется к его хозяину, / Разве хорошим речам учатся у злоречивых» (*zda kawa xošzabāni la badzabāno*) [5, с. 170]. В сборнике «Крылатая мудрость двух дружественных стран» приводятся такие русские варианты этой пословицы: «Глупый свиснет, а умный осмыслит», «На ошибках учатся», «Не будь дураков на свете, не стало бы разума» [3, с. 41–42].

Во втором бейте газели 214 Хамид сравнивает ненавистные ему *алчные желания человека* с врагом, который в соответствии с известной афганской пословицей никогда не станет другом: *kāṇay bə post na ši, doxman bə dost na ši*. «Камень не станет мягким, враг не станет другом» (второй вариант перевода: «Как не сшить из камня шубы, так и врага не сделать другом»). Хамид пишет: «Действительно, камень не станет мягким, а враг не станет другом (второй вариант: Действительно, из камня не сошьешь шубы, а врага не сделаешь другом) / О муж, не обманись, пребывая в рабстве у алчных желаний» [5, с. 238]. Здесь Хамид дословно цитирует пословицу, приводя ее в качестве народной мудрости, подтверждающей правоту его собственной мысли. В книге С. Торберна «Банну, или наша афганская граница» содержится английский перевод этой пословицы: «A stone will not become soft, nor an enemy a friend», а перед переводом сказано: «...это из Муллы 'Абд ал-Хамида» («...this is from Moolah Abdul Hamid») [6, с. 264]. Текст этой пословицы на пашто также приведен в этой книге [6, с. 423].

Показательна в плане использования пословиц и газель 25 — отклик Хамида на реальные исторические события, имеющие отношение к фигуре одного из момандских вождей — Джамалу. Джамал-хан в 1122 г. по л.х. (1711/12 г. от Р.Х.), когда Насир-хан стал наместником в Кабуле, был назначен правителем Пешавара. Он воспользовался вверенной ему властью, совершил набег на деревню одного из момандских племен и полностью разграбил ее. Моманды этого племени решили отомстить Джамалу, ночью они напали на его дом и убили самого Джамала, его сына Джалал-хана и всех находившихся там мужчин, женщин и детей [7, с. 63]. В назидание последующим правителям в пятом бейте этой газели поэт призывает «не желать зла ближнему», как это сделал Джамал по отношению к своим соплеменникам, поскольку, как гласит паштунская пословица, это чревато плохими последствиями: *cok če bəl-ta kuhay kini — xpəla bə ye pəke šra wi*. «Кто роет яму другому, тот проведет в ней свою ночь». Как и в предыдущем примере, поэт дает читателю прямое указание на то, что им цитируется пословица, он пишет: «Пословица гласит, что сам попадет в яму тот, / Кто со злым умыслом роет ее для других» [5, с. 28]. В сборнике паштунских пословиц «Крылатая мудрость» приводятся следующие русские аналоги данной пословицы: «Делая зло, на добро не надейся», «Не бей в чужие ворота плетью, не ударили бы в твои дубинкой», «Посеявший ветер, пожнет бурю», «Не рой другому ямы: сам в нее попадешь» [3, с. 121–122]. В одиннадцатом бейте этой же газели поэт поднимает тему *границ дозволенного*, которые индивидуальны для каждого и зависят от положения, занимаемого человеком в обществе. Поэт пишет: «Того, кто протягивает ноги за границу дозволенного, / Время растопчет подобно Джамалу» [5, с. 29]. Здесь поэт перефразирует известную афганскую пословицу: *comra če de raṭonay wi humra pxe gāzawa*. «Протягивай ноги по длине своего одеяла».

В газели 217 поэт призывает читателя отказаться от *высокомерия и себялюбия*. Для большей аргументированности своей речи Хамид использует две близкие по смыслу пословицы. Первая пословица в третьем бейте газели гласит: *məšr məšra barxa lari, kəšr*

kāšra. «У старшего — доля старшего, у младшего — младшего». Ее русским аналогом может послужить народная пословица: «Каждый сверчок знай свой шесток» [5, с. 241]. Во второй пословице в четвертом бейте газели говорится: «Та вода, которая доходит до живота (подпруги) верблюда, накроет осла с головой» [5, с. 242]. Данная пословица бытует в Афганистане в двух вариантах: на персидском языке и на пашто (перс. *āb-i ki ba šikam-i šutur mirasad az sar-i xar xāhad guzašt* / пашто *haḡa ubā čē dā ux tār xeṭe rasegi dā xara tār sar ori*).

Героями многих афганских пословиц и поговорок являются индусы, с которыми паштуны живут по соседству и находятся в тесном контакте. В пословицах такого плана делается особый, иногда даже негативный, акцент на религии индусов, на их склонности к накопительству и «излишней» расчетливости. В книге С. Торберна «Банну, или наша афганская граница» можно встретить целый ряд таких пословиц. Например: *hindu žāri xo piyāz xuri* «Индус хоть и плачет, а лук ест» (говорится о человеке, который думает о своем имуществе больше, чем о себе самом). Существует история о том, что однажды индус не смог продать пучок лука в базарный день и в конечном итоге, чтобы успокоить себя, решил съесть лук сам. От горького лука на его глазах появились слезы. Когда же его спросили о том, почему он плачет, индус сказал, что из-за неудачи в делах [6, с. 328]. Другой пример: *paxtun doxman xuri hindu dost xuri*. «Паштун поедает своего врага, а индус — друга». Паштуны полагают, что любовь к деньгам у индусов настолько велика, что они готовы выманивать их обманом даже у близких людей [6, с. 249]. Пословицу об индусах можно встретить и в третьем бейте газели Хамида 165. Поэт пишет: «Индус старается, а Бог им недоволен / Понапрасну я мучался бессонницей из-за низких людей» [5, с. 188]. В данном бейте Хамид поэтизирует пословицу: *hindu sṭaray xdāy nārāza*. «Индус устал, а Бог им недоволен». Обычно ее применяют по отношению к человеку, приложившему много усилий в каком-либо деле, но не получившему желаемый результат. Пословица может употребляться говорящим и по отношению к самому себе.

В этой «индусской» пословице, используемой Хамидом, проявляется национальная специфика его поэзии. Здесь, по-видимому, важны не только соответствующие образно-смысловые параллели, но и особая эмоциональная атмосфера, связанная с восприятием этих образов современниками, а значит особая стилистическая среда.

В любовной лирике Хамида также можно найти немало примеров использования фольклорных образов. Естественно, что здесь они, как правило, возникают в качестве поэтических сравнений и метафор. Сами по себе эти приемы традиционны, но всегда интересно, как поэт их использует, делает частью своего поэтического языка. В первом бейте газели 91 Хамид уподобляет свое *бьющееся сердце* ребенку, которого не пеленали крепко в детстве: «Сколько бы я ни пеленал его, подобно ребенку, в пеленки воздержания, / Мое бьющееся сердце в конце концов заполучили тюрки» [5, с. 101]. В этом бейте речь идет о распространенном среди паштунов обычае крепко пеленать детей и перевязывать веревкой (*sozni*) пеленки (*oḡanau*) младенцев. Когда о ком-то говорят: *mor pā kičniwāli ke ting na dāy tarḡalay* «Мама крепко не запеленала его в детстве», то этим подчеркивают трусость или излишнюю пугливость этого человека. Хамид переосмысливает эту пословицу, намекая на то, что если крепкое пеленание ребенка, возможно, идет человеку на пользу, то «пеленание сердца в пеленки воздержания» не спасает его от любовной страсти.

Во втором бейте газели 261 Хамид использует афганский вариант персидской пословицы: «Если вода тебе по горло, то помни, что у тебя под ногами ребенок» (перс. *āb tā*

galū bačča zīr-i pā / пашто *ubə tər stunay — lur aw zoy tər pxo lande*) — для характеристики состояния влюбленного, находящегося в *разлуке* со своей возлюбленной. Хамид интерпретирует эту пословицу таким образом: «Говорят, нужно помнить, что сын и дочь под ногами, когда вода по горло / Но в разлуке забываешь и о себе, и о мире» [5, с. 289]. В русском переводе очень трудно передать точный смысл использованного сравнения. Возможно, это связано и с тем, что в русском языке нет пословицы, более или менее точно соответствующей по смыслу ирано-афганской. Мы можем только отметить, что Хамид использует очень сильный образ для характеристики состояния влюбленного в разлуке, но не можем вполне почувствовать и понять силу этого сравнения.

Горечью разлуки проникнута и газель Хамида 67. В пятом бейте этой газели поэт пишет: «Я не могу вспомнить ни о себе, ни о мире / Печаль разлуки так сильно атаковала меня». В следующем бейте Хамид уподобляет горечь разлуки горечи яда и горечи растения аристолохии: «Мою сладкую жизнь разлука сделала такой горькой, / Каждое мгновение словно поглощаю яд и горькую траву» [5, с. 76]. Среди паштунов бытует пословица, в которой также содержится название этого растения, но она связана с необходимостью быть умеренным в пище или не превышать собственные потребности и полномочия. А. Бенава приводит в своем сборнике пословиц такой вариант пословицы: *če ləg xori təl xori, če đer xori gandraher xori* «Кто ест мало, у того всегда есть пища, кто ест много, тот ест ядовитое растение» [8, с. 414]. В сборнике «Крылатая мудрость» приводятся следующие русские варианты этой пословицы: «Кто жаден до еды, тот дойдет до беды», «Умеренность — мать здоровья» [3, с. 520]. Таким образом, Хамид использует сравнение метафорически, переносит его из материальной сферы в духовную. При этом даже в русском переводе заметно, насколько поэтичнее, мягче звучат строки Хамида в сравнении с пословицей, и как аристолохия из горького растения превращается в символ душевной горечи.

Два раза в стихотворном собрании поэт сравнивает отчаянное состояние влюбленного с мокрой глиной, используя при этом паштунскую пословицу: *də lando xafo ləge ubə dāru wi*. «Для свежей глины еще немного воды — лекарство». Авторы сборника «Крылатая мудрость» так поясняют ее значение: «Заранее обиженный человек быстро проявляет свою обиду при малейшем воздействии на него. (Например, если ребенок прежде капризничал и его обижают еще, то он сразу начинает плакать.) Человек, который заранее имеет какой-либо малейший навык в деле, быстро усваивает данное дело полностью» [3, с. 353–354]. В седьмом бейте газели 193 Хамид пишет: «Для свежей глины немного воды — лекарство / Зачем ты испытываешь меня с такой силой» [5, с. 219]. Еще раз мы встречаемся с этой пословицей во втором бейте газели 180 «Для свежей глины немного воды — лекарство, / Зачем же ты прилагаешь такие усилия в испытании меня» [5, с. 203].

По афганским народным представлениям, незадолго до гибели муравья у него появляются крылья. Это нашло свое отражение в пословице: *də megi wazar də hağə də wrəkedo alāme di* «Крылья муравья — признак его гибели» или другой ее вариант: *megi-ta če xdāy pə qahr ši no wazaruna wukri* «Когда Бог гневается на муравья, у него появляются крылья». Данная пословица трактуется авторами сборника «Крылатая мудрость» следующим образом: «Говорится в том случае, когда человек занимает служебный пост не в соответствии со своими знаниями и достоинствами и не в состоянии справиться с возлагаемыми на него обязанностями, за что получает наказание» [3, с. 533]. С. Торберн дает этой пословице несколько иное толкование: «Идея пословицы заключается в том,

что, когда у муравья появляются крылья, его переполняет гордость, он улетает и вскоре погибает. Поэтому, когда Бог желает наказать человека, он снабжает его средствами, необходимыми для разрушения его собственной жизни, т. е. богатством и гордостью или чем-то еще» [6, с. 279]. В третьем бейте газели 123 своего стихотворного собрания Хамид использует данную поговорку в отношении *влюбленного*: «Если кто-то устремится в своих желаниях к красоте тюрюк, / Подобно муравью у него появляются крылья перед смертью» [5, с. 138].

Процесс становления афганской письменной национальной литературы, начавшийся в первой половине XVII в., происходит на фоне конкурентной борьбы устной фольклорной традиции и письменного литературного творчества, что сопровождается коренной перестройкой языковых норм и формированием «элиты» профессионалов-литераторов. По мере становления письменной афганской традиции происходит активное влияние фольклора на письменное творчество, примером чего служит творчество Рахмана Баба и Хамида Моманда. Затем начинается обратный процесс проникновения образов, возникших в письменной традиции, в устный народный фольклор.

Творчество 'Абд ал-Хамида Моманда являет собой пример сложного взаимовлияния устной и письменной традиций афганской литературы. Фольклорные источники используются Хамидом разнообразно, от прямого цитирования до творческого переосмысления, но во всех случаях они очень органично входят в поэтический стиль афганского поэта, становятся частью его образно-стилистической системы.

Литература

1. Пелевин М. С. Афганская литература позднего средневековья. СПб., 2010.
2. Лебедева Г. Д. Афганский поэт XVII века Рахман Баба. (Биография и литературное наследие): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971.
3. Майванди Т., Мотамад Шинвари М. Крылатая мудрость двух дружественных стран. Кабул, 1363 (1984).
4. Станагзай Р. Роль сравнения в стихотворениях Абд ал-Хамида. Кабул, 2007 (*Stānagzay R. Də Hamīd Bābā pə aš'arō kē də māhiyat pə lixāz tašbih. Kābəl*, 1385).
5. Моманд А. Полное собрание сочинений / под ред. М.-А. Самима. Пешавар, 2004 (*Abd al-Hamid Mōmand Kulliyāt. Sarīza aw sēḡna: Muḥammad Asif Samīm. Pēshawar*, 1383).
6. Thorburn S. S. Bannu or our Afghan frontier. London, 1876.
7. Collection of Momand's poetical works. Academy of Sciences of Afghanistan. 1983.
8. Pashto proverbs / Selected and translated into Dari by A. R. Benawa. Kabul, 1979 (*Paxtō matalūna. Darī žbāra də Bēnawā. Kābəl*, 1358).

Статья поступила в редакцию 12 января 2011 г.